

Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно — чорта. Но вы не упускайте из виду, что он целкопёр и весь состоит из надуванья... Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечёт, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдёт храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмёт. Мы сами делаем из него великана... Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньёй не дал власти.

Н. В. Гоголь

*Жизнь счастливого человека —
это полоса сверхзадач.*

Глава 1

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЛОПУХОИДОМ

Дождь барабанил в стекло. Шторы из предосторожности были плотно задернуты. Мама спала у себя в комнате, через стенку, но даже во сне ухитрялась замечать свет в соседнем окне, тускло разливавшийся по стене дома. Генка Бульонов, терпеливо дождавшийся, пока она заснёт, метался теперь по тесной комнатке. В могучей груди почти двухметрового пятнадцатилетнего лоботряса кипящей ртутью бурлило негодование. На соседней улице Ленка Мумрикова отмечала день рождения. Мумрикова, выбившаяся из шестёрок в тузы после необъяснимого исчезновения Пипы Дурневой, не мелочилась. Родители были сосланы на дачу без

права возвращения. Весь класс — а Ленка пригласила всех, не больше и не меньше — собирался гудеть всю ночь.

Весь класс, за вычетом Генки. Мама считала, что ему полезно ложиться спать в десять часов. «Ты у меня такой слабенький!» — повторяла она, хотя в последний раз Бульон болел гриппом в третьем классе, про остальные же болячки знал только из энциклопедического словаря.

И вот теперь было уже два часа ночи. Мама давно спала, а Генка, раздражённый, как болотный хмырь, бегал по комнате и страдал. Ослушаться маму — об этом он даже помыслить не мог. При малейшей попытке неповиновения она вначале говорила колючим голосом, затем глотала сердечные лекарства и наконец принималась плакать — Генка же ощущал, что его потрошат заживо.

Мама у Бульона была особа экстраординарная. Её вполне можно было занести в реестр уникальных, астрально опекаемых лопухоидов, тщательно пополняемый белым магом Агриппой IV с 1094 года. Генка поднимал доньшком кверху гирию в двадцать четыре килограмма — а она мазала зелёнкой каждый его прыщик, превращая его в нечто среднее между жабой и ягуаром. Бульон забрасывал в корзину мяч через всю баскетбольную площадку — а она водила его в школу за ручку и требовала носить шапку с помпоном до середины мая.

Вспомнив об этом, Генка взвыл и в животной тоске толкнул стол. На пол обрушилась стопка книг по оккультизму. Запестрели руны, коварно замигали алкогольными градусами астрологические таблицы. Бульонов наклонился. Верхняя книга была открыта где-то

на середине. Расправляя загнутую страницу, Генка выхватил из текста следующую фразу: «*В самое ближайшее время вас ждут крупные неприятности*».

Генке это не понравилось. В третьем часу ночи он всегда становился излишне впечатлительным. Страшнее скоростижной смерти для него были лишь тепленькие стельки и жилетка с красными лошадами, которую мама подарила ему на день рождения. Он закрыл глаза, забродил пальцем по странице и, ткнув наобум в одну из строк, вновь прочитал: «*...коренной перелом в судьбе и дальняя дорога...*»

Суеверный Генка задышал носом. А тут ещё, словно насмехаясь, кто-то энергично забарабанил в окно восьмого этажа. Форточка распахнулась. Тюлевые шторы вздулись и опали. Генка явственно увидел длинную белую руку, которая, просунувшись в форточку, потянула задвижку рамы. Бульон от ужаса заорал и закрыл глаза.

— Ты чего, с дуба рухнул? Своих не узнаёшь? — прошипел кто-то.

Генка перестал орать и открыл один глаз. На подоконнике, положив подбородок на руки, сидела Гробыня и с интересом изучала его. На коленях у Склеповой лежала труба пылесоса. Сам пылесос стоял рядом.

«Вот это девчонка! Карабкаться на восьмой этаж, да ещё с пылесосом!» — ошарашенно, но одновременно с восторгом подумал Генка.

— Бульон, а Бульон! Лапочка, дай попить, а то так есть хочется, что переночевать негде! — насмешливо попросила Гробыня.

Генка заметался. Чтобы попасть ночью на кухню, нужно пройти мимо комнаты чутко спящей мамы, что было опаснее фронтовой разведки. Застигнутый вра-

гом разведчик хотя бы успевал застрелиться. К счастью, Склепова шутила: пить ей не хотелось.

— Чего молчишь, как карась? А «здрасьте» кто будет говорить? Девушка может обидеться! — пригрозила Гробыня.

— Здрасьте! — послушно повторил Бульонов.

— Ну спасибо, облагодетельствовал молодую и красивую! А теперь сразу говори «до свиданья»! Или на худой конец «чао-какао». Ну-с, я жду! — распорядилась Склепова.

Генка растерялся. Он никак этого не ожидал.

— Попрощаться? Так сразу? А как же...

— А ты на что надеялся, котик? На романтическое трио: ты, я и луна? — проворковала Гробыня. — Я за этим и залетела — чтобы попрощаться. Я возвращаюсь в Тибет... Впрочем, тебе не обязательно знать куда... Если у тебя есть какие-то другие прощальные слова, я внимательно слушаю!.. Нет слов? Хм... Ну тогда будем работать по сокращённой программе. Так и быть, можешь меня поцеловать!

— Поцеловать? — изумлённо переспросил Бульонов. До сих пор он целовал только маму и иногда бабушку. Это было тоже полезно в своём роде, хотя они и не летали на пылесосе.

— О нет! Он и этого не умеет! — простонала Склепова. — Ну да, поцеловать! У тебя бумага есть?

— За-зачем бу-бумага? — не понял Генка.

— Как зачем? Я тебе схемку нарисую!

— Не надо! — отважно отказался Бульонов.

Он неуклюже приблизился, помялся и, набравшись храбрости, клюнул Гробыню в щёку. При этом обнаружилось, что он выше её на две головы.

— И это всё южные страсти? Эх ты, вечная мерзлота! Девушка с тобой плесенью покроется! Робкий ты, Бульон, какой-то! — разочарованно хмыкнула Склепова.

— А ты не робкая? — обиделся Генка.

Гробыня вздохнула:

— Ах, Бульон, я прошла суровую жизненную школу! У меня была не жизнь, а сплошная азбука выживания! Одна Гроттерша извела тонны моего драгоценного здоровья.

— Гроттерша? — удивлённо переспросил Генка. Хотя прошло много лет и его память была магически блокирована, слово «Гроттерша» странным образом взволновало его, пробудив целую бурю неясных чувств.

Однако Гробыня не была расположена перемывать Таньке кости. Предстоящий перелёт в Тибидохс настраивал её на сентиментальный лад.

— И не только Гроттерша... В сущности, Гроттершу очень даже можно выносить, если не трогать её контрабас и не катить бочку на её родственничков! — продолжала она, нежно обнимая трубу пылесоса. — Моя школа началась с моего брата. Я тогда ещё жила среди лопухойдов, а у меня был колоритный двоюродный братец. Подращённая такая сволочь, на три года старше... Наши родители в то время жили вместе, и их вечно не было дома. Они то заказывали венки, то устраивали могильщикам профилактический разбор полётов, чтобы они не охамели.

— Охамели?

— Ну, большая такая ритуальная халява, — нетерпеливо и ещё непонятнее пояснила Гробыня. — Меня

оставляли вместе с братцем, и он отрывался на полную катушку. В лучшем случае он меня щипал, в худшем пинал. У меня, извини, вся попа была в синяках. Помню, я два часа просидела запертая в туалете, потому что к нему пришли приятели: они играли в карты и я им, видите ли, мешала. Вначале я рыдала, потом колотила в дверь, а они только ржали... А затем я услышала, как они открыли шкаф и выбрасывают оттуда мои вещи, а потом стали ломать отвёрткой замки, чтобы залезть в мой стол. Это был уже финиш... Я совсем озверела. Почти не помню, что дальше было. Я заорала, и вдруг дверь вылетела сама собой, хотя я к ней и не прикасалась. Даже не с треском вылетела, а почти без шума — пук! — будто пробка. Потом родители удивлялись — петли точно ножом срезало. Я ворвалась в комнату. Их там было четверо. Они уже бросили играть в карты и были все у моего стола. «Это ты, Гробыня? А ну, пёсик, на место! Марш в туалет!» — сказал мне братец. И тут...

Склепова сжала и разжала ладони. Щёки у неё пылали от негодования. Она заново переживала тот миг.

— Не важно, что было дальше... Ты, Бульон, личность ранимая, не буду тебя грузить. Скажу лишь, что к тому моменту, как меня забрали на чёрное отделение, брат и его приятели не просто меня уважали. Они меня чудовищно уважали! Чуть ли не тапочки носили в зубах, не говоря уж о прочем!..

Неожиданно в рюкзаке у Склеповой заверещал зудильник.

— А это ещё что? Кто меня дёргает? — буркнула Гробыня.

Пока она открывала рюкзак и рылась в нём, зудильник едва не лопнул от негодования. Бульонов с изум-

лением смотрел на плоское блюдо, производившее назойливые звуки. Гробыня на секунду задумалась, соображая, не совершает ли она что-то непоправимое, отвечая по зудильнику при лопухоиде. Но врождённое разгильдяйство победило. Склепова махнула рукой, словно говоря: ладно, чего уж там! Какие тут тайны!

— Гробыня? Ты куда подевалась? — появляясь на блюде, с возмущением произнёс Готфрид Бульонский.

— Да здесь я, здесь! Чего трезвонить-то? — недовольно сказала Склепова. К Спящему Красавцу она всегда относилась малость прохладно.

— Как ты со мной разговариваешь?! Я звоню по просьбе академика Сарданапала... К тебе вернулась магия?

— Да вроде, — проворчала Гробыня, опасливо косясь на Генку.

— Академик тебя ждёт! Ты летишь в Тибидохс или нет?

— Уже лечу! Разве не видно? — сказала Склепова.

— Летишь? Ты уверена? А почему я вижу занавески? — подозрительно спросил Готфрид.

— Занавески? Какие занавески? Это тучки так глючат! — пояснила Гробыня и, сохраняя на лице невинное выражение, принялась энергично трясти зудильник.

— Что случилось? Почему ты рябишь? — забеспокоился Готфрид.

— Алло, гараж! Помехи связи!.. Я скоро буду! — заявила Гробыня и, поспешно отключившись, нахмурилась. — Вот дурак этот Готфрид! Прямо капитальный! — задумчиво сообщила она Генке. — Попробуй я выкинуть такую штуку с его женой, мне все каникулы пришлось бы изучать жизнь крыс.

— Это как? — не понял Бульон.

— А так. Изнутри шкурки. Или ещё хуже: все пальцы на руках превратились бы в дождевых червей... Вообрази, мерзко, да? Одна радость: отшибает аппетит не тебе одной.

Генка Бульонов изумлённо заморгал. Он во все глаза смотрел на говорящее блюдо.

— Это чего такое было, а? — взволнованно поинтересовался он.

— Да так, мелочь! Психованная миска... Не обращай на неё внимания. Кстати, только что в голову пришло. Ты этому не родственник?

— Кому?

— Да Готфриду же! Поднапряги чуток извилины. Бульонов — Бульонский, Генка — Готфрид. Похоже, да? Если разобраться, мир полон копий одного и того же. Порой мне кажется, что на свете живёт от силы человек двадцать, но все они для забавы укрываются в разных телах. Я до этого додумалась, когда мне стали попадаться совершенно одинаковые парни. А потом я поняла, что не только парни. Пряма замкнутый круг какой-то. Куда ни пойдёшь — встречаешь одних и тех же. Иногда мне кажется, что людей в мире не больше, чем карт в колоде.

— Нет, Бульонский мне не родственник! — сказал Генка, которому это сравнение не очень-то понравилось.

Гробыня покачала головой:

— Напрасно. Готфрид вроде аристократ какой-то. Кладов небось в своё время напрятал — обалдеть. Можно было бы грузануть его: типа, я твой любимый праправнук, припёрся стрелнуть чуток деньжат. Грузовик с прицепом...